

О роли сценариев при общефактической интерпретации несовершенного вида

Олав Мюллер-Рейхау

*University of Leipzig - Institut für Slavistik, Beethovenstr. 15, Zi. H4 4.16,
D-04107 Leipzig, Germany. reichau@uni-leipzig.de*

Abstract

Olav Mueller-Reichau: Scripts and the Interpretation of the General-Factual Reading of Russian Imperfectives

The presence of a script in background knowledge is known to support the general-factual reading of a Russian imperfective. The paper offers an explanation as to why this is so: As a product of aspectual competition, to avoid target state relevance, general-factuals highlight the kind of the event denoted by the verb. Moreover, for a general-factual to be successfully uttered, the event kind has to identify the antecedent of a rule in background knowledge, which serves to supply a consequence to fill the deserted relevance slot. Scripts provide suitable contexts for general-factuals precisely because they provide rules.

Keywords: Russian, imperfective aspect, general-factual, scripts, background knowledge.

1. Общефактическое значение в контексте сценария

Хорошо известно, что ОФ НСВ¹ нуждается в особых контекстных условиях. В работах Лейнонен и Чапут (Leinonen 1982, Chaput 1990) было установлено, что среди контекстов, которые обуславливают реализацию

¹ Указание на совершенное событие в русском языке не всегда требует совершенного вида (СВ). Есть много случаев, когда уместен глагол НСВ. Эти случаи обычно объединяются в категорию «общефактического значения» (см., например, Гловинская 1982, Рассудова [1968] 1982, Падучева 1996). В дальнейшем, говоря об «общефактическом значении несовершенного вида» (ОФ НСВ), мы будем иметь в виду только тот случай употребления НСВ, который, по словам Штагуновского (2009, 140), «наиболее типичный и первичный»: говорящий указывает на совершенное в прошлом событие с коммуникативным фокусом на факт осуществления события. Другими словами, наша тема — те употребления НСВ, которые Падучева (1996) называет «общефактическими экзистенциальными» и «общефактическими конкретными». В данной статье не рассматривается «акциональное значение НСВ» в понимании Па-

<http://dx.doi.org/10.1080/00806765.2014.984475>

© 2014 The Association of Scandinavian Slavists and Baltologists

ОФ НСВ, есть и такие контексты, в которых активирован так называемый сценарий (script). Цель данной статьи состоит в том, чтобы выяснить, почему это так.

Шанк и Абельсон описывают сценарий (script) следующим образом: «[A] script is a predetermined, stereotyped sequence of actions that define a well-known situation. [...] Each action results in conditions that enable the next to occur. To perform the next act in the sequence, the previous acts must be completed satisfactorily» (Schank и Abelson 1977, 45). Следует различать, по меньшей мере, два типа сценариев — линейный и циклический. Рассмотрим сначала примеры линейного типа.²

- (1) [В аэропорту:] Почему Вы все еще здесь? Вас вызывали на посадку!
- (2) [Один официант коллеге:] Человек у барной стойки уже заказывал?
- (3) [На кухне:] Стоп, стоп! Я уже солил суп!

Выше указанные примеры отличаются тем, что в каждом случае данное предложение понимается на фоне определенного сценария и что событие, описанное глагольной группой с глаголом НСВ, составляет при этом один из этапов сценария. Активированный в (1) сценарий описывает этапы подготовки пассажира к вылету (регистрация, оформление багажа и т.д.). Мы обозначим его кратко «сценарий-аэропорт». Понимание предложения (2) происходит на фоне нередко обсуждаемого в литературе сценария-ресторан. Сценарий, в рамках которого происходит интерпретация (3), — это кулинарный рецепт (определенного супа).

Приведем теперь несколько примеров ОФ НСВ со сценариями циклического типа.

- (4) Хотите борща? — Спасибо, я уже обедал. (Шатуновский 2009)
- (5) Коня поил? — Поил. (Шведова et al. 1980)
- (6) Я уже подавал декларацию. Нарушений не нашли.

дучевой, более или менее совпадающее с категорией «presuppositional imperfective» у Гренна (Grønn 2004).

2 Примеры собственные, если не указано иначе. (2) является вариантом общеизвестного примера «Вы уже заказывали?», который обсуждается, например, в Comrie (1976).

В данном случае говорящий, выражая ОФ НСВ, «обозначает ситуацию, регулярно воспроизводимую в соответствии с теми или иными временными циклами» (Падучева 1996, 47). Временной цикл в примерах (4) и (5) соответствует суткам, а временной цикл в примере (6) — году.

Возникает вопрос, почему именно сценарий, как линейный, так и циклический, является подходящим контекстом для проявления ОФ НСВ. Каким образом сценарий поддерживает ОФ НСВ? Какие именно свойства сценария обуславливают беспрепятственную реализацию ОФ НСВ? Исходя из размышлений Шатуновского (2009) об «атрибутивной функции» ОФ НСВ, мы в данной статье предложим решение этой проблемы. Центральным элементом нашего анализа при этом будет понятие «правила в фоновом знании». Но прежде чем ввести эти понятия, мы должны изложить нашу точку зрения на конкуренцию видов.

2. О конкуренции видов

Исходным пунктом наших рассуждений является тот бесспорный факт, что русская грамматика обладает двумя глагольными видами: СВ и НСВ. Вслед за Якобсоном, Комри (Jakobson [1932]1984, Comrie 1976) и многими другими, мы также исходим из того предположения, что СВ имеет более специфичное («маркированное») значение по сравнению с НСВ. Так, например, Гренн (Grønn 2004) предлагает следующее: в грамматическое значение СВ входит условие, что в интервале результативного состояния события (target state) находится конец интервала точки отсчета (reference time), в то время как значение НСВ включает в себя всего лишь то тривиальное условие, что временной интервал события (event time) тем или иным образом пересекает точку отсчета.

Из предложения Гренна следует, что оба вида в принципе совместимы с указанием на совершенное событие. Имеется, однако, существенное различие.³ При употреблении СВ, совершенность события — это необходимость, обусловленная семантикой видовой формы. Более того, из семантического требования, что результат события должен иметься в точке отсчета, адресат речи может сделать вывод, что условия результативного состояния непосредственно релевантны для того, что говорящий хочет сообщить (target state relevance). При употреблении же НСВ совершенность события — это лишь одна из возможных интерпретаций. Эта ин-

3 См. также: Падучева 1996, 57.

терпретация доступна тогда, когда говорящий хочет указать на совершенное событие, но не хочет выразить релевантность условий результата события. Такое желание может возникнуть у говорящего либо потому, что условия результата события аннулированы в момент точки отсчета, либо потому, что они ему просто не важны (см. Grønn 2004, 274). Последний мотив обуславливает употребление ОФ НСВ, которое стоит в центре внимания данной статьи.

3. Атрибутивное употребление

Итак, интересующая нас разновидность ОФ НСВ проявляется, когда говорящему не важны условия результата события. Возникает вопрос, что «важно» тогда, если не результат. На что говорящий, произнося ОФ НСВ, хочет обратить внимание адресата? Рассудова ([1968] 1982, 41) дает ответ, что ОФ НСВ употребляется, «[е]сли говорящего интересует, было данное действие или его не было» [выделено автором]⁴ Хотя такой ответ безусловно правильный, он нас не полностью удовлетворяет, так как за ним встает очередной вопрос. **Зачем** говорящий сообщает о том, что было данное действие? На последний вопрос, кажется, в литературе нет конкретного ответа.⁵ Единственное исключение, которое нам известно, — это работа Шатуновского (2009).⁶

Шатуновский обсуждает один подтип ОФ НСВ, который он называет «атрибутивным употреблением». Атрибутивное употребление отличается, согласно Шатуновскому (2009, 168–169), следующей особенностью: «В случае атрибутивного употребления общая функция ОФ состоит в том, чтобы вынести в вершину не само событие как таковое, а его (типичную) характеристику [...] В семантической вершине общезначительной глагольной группы находится характеристика события, его сигнификат, а не само денотативное событие, как в случае СВ». Это обстоятельство имеет определенные последствия: «Вынесение в вершину

4 Эту мысль высказывают в той или иной формулировке многие авторы. Так, например, Форсайт (Forsyth 1970, 82) пишет следующее: «[Т]he speaker is merely interested in the fact that the type of action named did occur (or alternatively that it did not occur)».

5 Сразу добавим «насколько нам известно». Вполне возможно, что ответ все-таки имеется в необозримом количестве работ по виду глагола.

6 Шатуновский (2009) исходит из замечаний Бондарко (1971, 85) и Падучевой (1996, 63–64).

сигнификата ГГ обеспечивает установление смысловых (логических) связей между данной ГГ и другими смыслами в тексте». Тем самым ОФ НСВ «обеспечивает базу для логического вывода». Шатуновский (см. там же) подчеркивает: «При этом во многих случаях ОФ **должен** быть включен в такие [логические] связи, в противном случае его употребление окажется ничем не мотивированным и поэтому аномальным. Такая необходимость возникает тогда, когда во всех иных отношениях ОФ эквивалентен СВ» [выделение автора].

Итак, в случае атрибутивного употребления говорящий выбирает глагол НСВ с целью побудить адресата к определенному логическому заключению. Чтобы понять, что конкретно имеется в виду, следует рассмотреть следующие примеры Шатуновского:

- (7) а. Чубайс брал деньги у американского правительства.
б. Чубайс взял деньги у американского правительства.

Наблюдение здесь следующее: если понять предложение (7а) в значении ОФ НСВ, то нельзя не понять и дополнительное оценочное суждение, что Чубайс по своей натуре нехороший человек. Этим (7а) отличается от варианта с глаголом СВ. Правда, из (7б) также можно сделать вывод, что Чубайс нехороший человек. В отличие от (7а), в этом случае, однако, такой вывод не обязателен.

Возникает вопрос, чем вызвано появление обязательной имплицатуры в (7а). Согласно Шатуновскому, она возникает вследствие двух факторов. Во-первых, в семантической вершине глагольной группы «брал деньги у американского правительства» находится тип события.⁷ Во-вторых, этот тип события включен в смысловые связи, имплицитующие логический вывод. В частности Шатуновский полагает, что вывод (8в), к которому побуждает предложение ОФ НСВ (8б), основывается на родовым предложении (8а) (см. Шатуновский 2009, 180):

- (8) а. Брать деньги у американского правительства плохо.
б. Чубайс брал деньги у американского правительства.
в. Чубайс нехороший человек (я его осуждаю)

7 О том, что предикация в случае ОФ НСВ отсылает к типу события, см. также Мелиг 1998 и 2013.

Включенность в смысловые связи в данном примере является необходимой, так как в противном случае не существовало бы различия между значениями высказываний (7а) и (7б).

В целом мы согласны с подходом Шатуновского с одной оговоркой. Нам кажется справедливым считать, что вынесение типа события в семантическую вершину глагольной группы является достаточным условием для логического вывода. Если наши рассуждения верны, то можно легко объяснить, почему суждение, что Чубайс нехороший человек, следует обязательно из (7а), но необязательно из (7б). Причина заключается в том, что при выборе НСВ вынесение типа события в семантическую вершину глагольной группы является прямым следствием конкуренции видов (см. раздел 2). Суждение (8в) неизбежно вызвано языковой системой. При выборе СВ типовая информация не находится в вершине глагольной группы, но она, конечно, все-таки есть. Об этом свидетельствует тот факт, что то же самое заключение, что Чубайс нехороший человек, можно сделать и на основании значения, выраженного глаголом СВ.

Поэтому мы предлагаем небольшую модификацию теории Шатуновского. По нашему мнению, ОФ должен быть включен в смысловые связи не «во многих случаях», как пишет Шатуновский, а во всех! Атрибутивное употребление является при таком взгляде не подтипом, а сутью ОФ НСВ.⁸ ОФ НСВ всегда имеет целью побудить адресата к логическому выводу.¹⁰ Профилированность родовой (типовой) информации события представляет собой сигнал для адресата о необходимости обратить внимание на смысловые связи.

4. Правила в фоновом знании

Чтобы уточнить концепцию Шатуновского, мы теперь предлагаем отнести ее к теории о родовых предложениях, которая была изложена в работе Cohen 1999. По мнению Коэна, есть прямое отношение между родовыми предложениями (типа английского *Birds fly*) и правилами: «generics

8 В противном случае встает вопрос, какую функцию, кроме как служить основанием для вывода, может выполнять тогда профилированность родовой (типовой) информации события.

9 Наша позиция, кажется, совпадает со взглядом Падучевой (1996, 63–64).

10 Разумеется, в данном случае необходима следующая оговорка: высказывание ОФ НСВ служит побуждением к логическому выводу только тогда, когда не выражена аннулированность результирующего состояния (см. раздел 2).

are used to express default rules, and [...] a default rule is **adequate** just in case the corresponding generic sentence is true» (Cohen 1999, 189) [выделение автора]. Правила при этом рассматриваются как онтологические сущности, вслед за Карлсоном (Carlson 1995, 234): «Let us assume [...] that real rules and regulations are propositions (real constituents of the world), and that any domain will have a finite list of rules associated with it at any given time».

В работе Cohen 2001 предложен способ логического представления правил. В частности, Коэн считает, что содержание правила соответствует условному высказыванию, которое, в свою очередь, находится в сфере действия оператора «!». Правило, другими словами, отражается как результат применения этого оператора к условному высказыванию: «Let '!' be an operator which maps a formula to the rule it describes if there is such a rule, and is undefined otherwise» (Cohen 2001, 198). Правило может или не может быть «адекватным» или, в терминологии, использованной в Cohen (2001), «in-effect».¹¹

Выше мы видели, что ОФ НСВ (8б) побуждает к выводу (8в) на базе родового предложения (8а). Теперь мы можем уточнить, что основанием вывода является правило (9), которое говорящий выражает произнося родовое предложение (8а):¹²

- (9) in-effect(!($\forall e \forall x$.take-money-from-American-government(e) & agent(e,x) \rightarrow $\exists s$.result(e,s) & in(s,x) & disgrace(s)))

Словами: верность (8а) свидетельствует о том, что имеет силу правило, согласно которому событие типа приема денег («взятки») у американского правительства ведет к тому, что исполнитель действия находится в «состоянии позора».

Утверждение Шатуновского о «включении ОФ НСВ в логические связи» можно теперь осмыслить в форме следующей гипотезы:^{13 14}

11 Карлсон (Carlson 1995) говорит о «rules in force». Мы их в дальнейшем называем «правилами, имеющими силу».

12 Референциальные переменные, употребляемые в (9), это «e» для событий, «s» — для состояний, «x» — для индивидов.

13 При формулировке гипотезы мы заменили предикат agent(e,x) предикатом participant(e,x), потому что бывают ОФ НСВ с неагентивными участниками.

14 Часто встречаемое и в принципе всегда возможное понимание ОФ НСВ как экспериенциалистскому не противоречит. Нам кажется приемлимым считать, что в

- (10) Гипотезиса о «включении ОФ НСВ в логические связи»
- а) ОФ НСВ включено в логические связи (и тем самым прагматически мотивировано) тогда, когда тип события, который описанный ГГ предложения, согласуется с типом события, который появляется в протасисе¹⁵ условного высказывания из правила, которое в момент речи имеет силу и которое соответствует следующей схеме: $!(\forall e\forall x.verb(e) \& participant(e,x) \rightarrow \exists s.result(e,s) \& in(s,x) \& Q(s))$
- б) Правило имеет силу, если считается верным родовое предложение, подлежащим которого является номинализация ГГ и сказуемым которого является выражение предиката Q.

Здесь, к сожалению, недостаточно места для подробной проверки этой гипотезы. Однако, если гипотеза истинна, она содержит ключ к решению проблемы, которой посвящена данная статья: почему верно, что сценарий образует подходящий контекст для проявления ОФ НСВ? Как мы увидим в следующем разделе, из (10) следует ответ на этот вопрос.

5. О роли сценариев

Сформулированный нами в начале статьи вопрос все еще ждет ответа. Почему ОФ НСВ так удачно проявляется, когда предложение произносится в контексте сценария? В дальнейшем мы покажем, как можно свети понятие сценария к понятию правила. Мы полагаем, что сценарий – это, в сущности, иерархия правил. Что конкретно имеется в виду, можно объяснить на следующем примере:

- (11) [В аэропорту:] Почему Вы все еще здесь? Вас вызывали на посадку! (= (1))

Выше было сказано, что понимание ОФ НСВ здесь происходит на фоне сценария-аэропорт. Теперь мы можем уточнить, что конкретно пред-

таких случаях образуется тривиально адекватное правило по схеме $!(\forall e\forall x.verb(e) \& agent(e,x) \rightarrow \exists s.result(e,s) \& in(s,x) \& experiential(s))$. Сравните похожие замечания Гренна (2004,157).

¹⁵ Условное высказывание слагается из двух более простых высказываний, а именно из протасиса (предыдущего) и из аподосиса (последующего).

ставляет собой этот сценарий. Предлагаемая нами структура сценария-аэропорт представлена (в несколько упрощенном виде) в (12).

- (12) { $\mathfrak{R}1:!(\forall e\forall x.enter-airport(e) \& agent(e,x) \rightarrow in-effect(\mathfrak{R}2))$,
 $\mathfrak{R}2:!(\forall e\forall x.check-in(e) \& agent(e,x) \rightarrow in-effect(\mathfrak{R}3))$,
 $\mathfrak{R}3:!(\forall e\forall x.traverse-security(e) \& agent(e,x) \rightarrow in-effect(\mathfrak{R}4))$,
 $\mathfrak{R}4:!(\forall e\forall x.call-for-boarding(e) \& addressee(e,x) \rightarrow in-effect(\mathfrak{R}5))$,
 $\mathfrak{R}5:!(\forall e\forall x.board(e) \& agent(e,x) \rightarrow in-effect(\mathfrak{R}6))$,
 $\mathfrak{R}6:!(\forall e\forall x.take-seat(e) \& agent(e,x) \rightarrow in-effect(\mathfrak{R}7))$,
 $\mathfrak{R}7:!(\forall e\forall x.fasten-seatbealt(e) \& agent(e,x) \rightarrow \exists s.result(e,s) \& in(s,x) \& goal(s))$ }

Как показано выше, сценарий — это множество правил, которые по своему содержанию обладают определенным внутренним порядком. В конкретном случае (12) сценарий состоит из семи правил, $\mathfrak{R}1$ до $\mathfrak{R}7$. Протасис каждого правила включает в себя описание события. Таким образом выполнено требование Буссе (Busse 2012, 543), чтобы каждый сценарий состоял по крайней мере из двух типов события, между которыми должны действовать отношения временной последовательности и каузации. Из того, что сценарий является своего рода предопределенной очередностью действий («predetermined sequence of actions», Schank и Abelson) следует, что каждый сценарий конечен. Это в (12) отражается тем, что состояние в аподосисе последнего правила $\mathfrak{R}7$ характеризуется как итоговое состояние («goal(s)»).

Вернемся теперь к примеру (11). Говорящий произносит это предложение при встрече с адресатом в терминале аэропорта. Адресат, очевидно, думает, что его статус относительно сценария-аэропорт является таким, что для него вступает в силу правило $\mathfrak{R}4$. Говорящий знает, что это на самом деле не так и что для адресата уже активно правило $\mathfrak{R}5$. Соответственно, он хочет сообщить ему об этой ошибке. Встает вопрос, почему для достижения этой цели уместен выбор НСВ.

Мы считаем, что, отказываясь от выбора СВ, говорящий дает понять, что ему не важны конкретные условия результативного состояния события (т.е. вызова на посадку). Таким образом внимание адресата направляется на смысловые связи, в которые входит обозначенный глагольной группой тип события. В частности, в соответствии с гипотезой (10), говорящий отсылает адресата к правилу $\mathfrak{R}4$ из сценария (12), так как на-

званный в (11) тип события как раз появляется в протасисе этого правила.

Как выглядит данная ситуация с точки зрения адресата? Из того, что сообщение кодировано НСВ, адресату понятно, что при интерпретации факта, что его вызвали на посадку, нужно учитывать правило, согласно гипотезы (10). Найдя подходящее правило $\mathfrak{R}4$ в сценарии (12), адресат понимает, что достигнуты условия, которые описывает аподосис этого правила, то есть, что для него имеет силу правило $\mathfrak{R}5$ и что ему, следовательно, пора войти в самолет.

Рассмотрим теперь пример реализации ОФ НСВ в контексте циклического сценария:

(13) Хотите борща? — Спасибо, я уже обедал. (= (4))

Указывая на совершенное событие (обед), отвечающий тем самым выражает отказ. Сформулировать таким образом отказ возможно только на фоне «подразумеваемого общего суждения» (в терминологии Шатуновского 2009, 179), что люди обедают один раз в день. Очевидно, что речь идет о типе события, который регулярно осуществляется в соответствии с определенным временным циклом (см. Падучева 1996, 47). В данном случае цикл соответствует суткам. Подразумеваемое общее суждение можно представить, как показано в (14):

(14) { $\mathfrak{R}1: !(\forall e.\text{approach-12pm}(e) \rightarrow \text{in-effect}(\mathfrak{R}2))$,
 $\mathfrak{R}2: !(\forall e\forall x.\text{lunch}(e) \ \& \ \text{agent}(e,x) \rightarrow \exists s.\text{result}(e,s) \ \& \ \text{in}(s,x) \ \& \ \text{goal}(s))$ }

Общезначительная интерпретация допускается в (13) по следующей причине. В соответствии с гипотезой (10), описанный глагольной группой тип события также появляется в протасисе правила, которое в момент речи имеет силу. Таким образом, отклонение от обычно ожидаемого в таком случае употребления СВ мотивировано. Выбор НСВ сигнализирует необходимость учета правила при интерпретации высказывания. Следовательно, получив ответ адресата в (13), спрашивающий понимает, что ситуация, в которой для адресата было активно правило $\mathfrak{R}2$, уже не актуальна и что, соответственно, приглашение на обед в данном случае не требуется.

6. Выводы

Главной целью настоящей статьи было выяснить, почему именно сценарий создает такой «благоприятный» контекст для реализации ОФ НСВ. Предложенное нами решение этого вопроса состоит в следующем:

Нашей исходной точкой были размышления Шатуновского об атрибутивном употреблении ОФ НСВ. Немного расширив концепцию Шатуновского, мы предложили, что ОФ НСВ всегда сопровождается отсылкой к фоновому знанию, которое служит основанием для логического вывода. Без такого «включения в смысловые связи» (Шатуновский) выбор НСВ, и тем самым отказ от СВ, был бы немотивированным. Чтобы уточнить подход Шатуновского, мы ввели в обсуждение темы понятие правила (в смысле Карлсона и Коэна) и сформулировали гипотезу о том, что «смысловая связь» реализуется согласованием между типом события, который описанный ГТ предложения, и типом события, который появляется в протасисе правила, имеющего силу в момент речи. На фоне этого мы потом проанализировали сценарий (как линейный, так и циклический) как совокупность правил. Это позволило нам установить, что ОФ НСВ в контексте сценария является частным случаем ОФ НСВ «обычного типа». И тот, и другой контекст предоставляет фоновое правило, релевантное для общезначительной интерпретации.

От автора

Автор признателен аудитории конференции «Семантический спектр славянского вида» (Гётеборгский университет, 10 июня – 14 июня 2013 г.). Особую благодарность автор приносит А. Гренну, М. Ирмеру, Х. Р. Мелигу, В. А. Плунгяну, И. Б. Шатуновскому, Е. Е. Горишневой и М. В. Ястребовой. Исследование поддержано грантом Немецкого научно-исследовательского общества (DFG) MU 3503/1-1.

Литература

Бондарко, А. В. 1971. *Вид и время русского глагола*. Москва: Просвещение.
 Гловинская, М. Я. 1982. *Семантические типы видовых противопоставлений в русском глаголе*. Москва: Наука.

- Мелиг, Х. Р. 1998. «Вид, отрицание и референциальный статус предикации в тексте». В кн. *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*, М. Ю. Черткова (отв. ред.). Москва: Языки русской культуры, 289–304.
- Мелиг, Х. Р. 2013. «Общезначимое и единично-значимое значения несовершенного вида в русском языке». *Вестник Московского Университета Сер. 9. Филология* № 4.
- Падучева, Е. В. 1996. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива*. Москва: Языки русской культуры.
- Рассудова, О. П. [1968] 1982. *Употребление видов глагола в русском языке*. Москва: МГУ.
- Шатуновский, И. Б. 2009. *Проблемы русского вида*. Москва: Языки славянских культур.
- Шведова, Н. Ю. , гл. ред. 1980. *Русская грамматика*. Москва: Наука.
- Busse, D. 2012. *Frame Semantik — ein Kompendium*. Berlin: de Gruyter.
- Carlson, G. 1995. «Truth-conditions of Generic Sentences: Two Contrasting Views». In *The Generic Book*, edited by Greg Carlson and Francis Pelletier. Chicago: University of Chicago, 224 -237.
- Chaput, P. 1990. «Aspect Choice in Questions». In *Verbal Aspect in Discourse*, edited by Nils Thelin. Amsterdam: John Benjamins, 285–306.
- Cohen, A. 1999. *Think Generic! The Meaning and Use of Generic Sentences*. Stanford: CSLI Publications.
- Cohen, A. 2001. «On the Generic Use of Indefinite Singulars». *Journal of Semantics* 18, 183–209.
- Comrie, B. 1976. *Aspect*. Cambridge: CUP.
- Forsyth, J. 1976. *A Grammar of Aspect*. Cambridge: CUP.
- Grønn, A. 2004. *The Semantics and Pragmatics of the Russian Factual Imperfective*. Oslo: Acta Humaniora.
- Jakobson, R. [1932] 1984. «Structure of the Russian Verb». In Roman Jakobson: *Russian and Slavic Grammar. Studies 1931–1981*, edited by Linda Waugh and Morris Halle. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1–14.
- Leinonen, M. 1982. *Russian Aspect, temporal'naja lokalizacija, and Definiteness/Indefiniteness*. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti.
- Schank, R. и R. Abelson. 1977. *Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures*. Hillsdale: Erlbaum.